
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XI

Сборник научных статей по монголоведению
Посвящается 130-летию со дня рождения А. В. Бурдукова (1883—1943)

St. Petersburg
2013

Т. В. Ермакова

Роль Русского географического общества в изучении буддийских этносов Центральной Азии в 1870—1910-х годах

В статье рассматривается историко-научный и организационный контекст экспедиций в Монголию и Тибет, предпринятых по инициативе Русского географического общества (РГО) или при его поддержке. Установлено, что Русское географическое общество в конце XIX—начале XX в. проявляло большую заинтересованность в экспедиционном обследовании сопредельных территорий, в том числе в этнографическом и лингвистическом аспектах в перспективе развития торговли и дипломатических связей. На основе опубликованных экспедиционных материалов А. М. Позднеева, Г. Ц. Цыбикова, Б. Б. Барадийна прослежено формирование методов исследования культуры повседневности этносов Центральной Азии, показан вклад российских путешественников в получение приоритетных сведений о буддийских монастырях Тибета и Монголии. Продемонстрирована исключительная роль периодических изданий РГО в оперативном введении в научный оборот результатов экспедиционных изысканий.

Ключевые слова: Русское географическое общество (РГО), экспедиции в Центральную Азию, буддийская культура, А. М. Позднеев, Г. Ц. Цыбиков, Б. Б. Барадийн.

История Русского географического общества (РГО), одного из первых научных обществ в Европе, отразила узловые моменты истории российской государственности и дипломатических стратегий, направленных на упрочение контактов с сопредельными странами.

Учрежденное в 1845 г., Общество с момента образования неизменно пользовалось поддержкой правительства и покровительством правящего дома Романовых, а в 1849 г. получило статус Императорского.

Заявленной в Уставе целью РГО были сбор, обработка и распространение географических, этнографических и статистических сведений [Устав РГО, 1898. С. 1]. Общество состояло из четырех отделений: географии математической, географии физической, этнографии, статистики. Обнародование полученных сведений как аспект реализации уставной цели осуществлялось «посредством чтений и сообщений в собраниях Общества, а также посредством ученой переписки, печатных Записок, периодических и других сочинений, издаваемых им» [Устав РГО, 1898. С. 2].

Установка РГО на распространение сведений, полученных в ходе экспедиций, положительно сказывалась на издательской деятельности общества. Именно благодаря изданиям РГО в научный оборот были введены результаты экспедиционных обследований сопредельных с Россией азиатских территорий.

В 1870-е гг. РГО переживало период устойчивой и плодотворной деятельности. Особенности этого периода верно подметил И. Ю. Крачковский: «Общество в 1870 г. отметило свой 25-летний юбилей и жило полной жизнью всех своих отделений. Как всегда бывало в его истории, в те или иные периоды то или другое отделение выдвигалось на первый план, и в ту пору (1870-е гг. — *Т. Е.*) вступало в период своего расцвета этнографическое» [Крачковский, 1944. С. 289].

В этой связи проанализируем экспедиции и путешествия А. М. Позднеева, Г. Ц. Цыбикова, Б. Б. Барадийна.

Первое свое путешествие в Монголию А. М. Позднеев совершил в составе экспедиции РГО, инициированной Г. Н. Потаниным¹. Экспедиция длилась 2 года (1876—1878).

Прикладной задачей экспедиции было изучение условий и перспектив приграничной торговли. Подробные очерки Урги, Кобдо, Улясутая в аспекте управления и торговли А. М. Позднеев представил в монографии «Города Северной Монголии» (1880).

Обширная монография А. М. Позднеева «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духо-

¹ Характеристику подхода Г. Н. Потанина к экспедиционной деятельности дал Б. С. Задваев: внимание к этнографическому аспекту, опора на данные наблюдения. Подробнее см.: [Задваев, 2006. С. 17—18].

венства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу» [Позднеев, 1887] была опубликована РГО. По результатам экспедиционного исследования монгольского буддизма РГО присудило А. М. Позднееву Большую золотую медаль «по этнографии» [Семенов, 1896. С. 998]. Отметим, что как источник по повседневной жизни буддистов Монголии в период исторической сохранности буддийской культуры работа Позднеева не устарела.

Обратимся непосредственно к работе А. М. Позднеева. Систематизацию данных исследования, проведенного во время пребывания в Монголии, автор выдвигает как главную задачу [Позднеев, 1887. С. VII]. Способ систематизации, избранный А. М. Позднеевым, базировался на его подходе к изучению живой буддийской традиции — дать наиболее полное и подробное описание наблюдаемых явлений повседневной жизни буддистов.

Архитектоника монографии А. М. Позднеева свидетельствует о том, что исследователь рассмотрел базовые аспекты буддийской повседневности в связи с монастырем, т. е. избрал адекватный методический инструментарий.

Классификация монастырей, им предложенная, базируется на критериях стационарности/мобильности (кочевые монастыри — уникальное явление монгольской буддийской жизни, напрямую связанное с культурно-хозяйственным типом — кочевым скотоводством), а также экономической базы. По второму критерию Позднеев подразделил монастыри на «императорские» — обустроенные за счет казны; «геновские» — построенные за счет верующих для пребывания иерархов буддийской церкви, признанных воплощениями буддийских божеств или видных деятелей буддийской культуры; «хошунные» — построенные для отправления религиозных нужд жителями конкретного населенного пункта или территории; построенные частными лицами — впоследствии донаторами монастыря (например князьями) [Позднеев, 1887. С. 1—24].

Эта классификация важна в перспективе анализа повседневной монастырской жизни. И богатство храмового убранства, и возможность проведения пышных обрядов напрямую зависели от экономической мощи монастыря. В отдельную группу выделяются монастыри, организующие монахов-созерцателей, т. е. не имеющие непосредственной связи с мирянами. Можно сказать, что таким образом исследователь создал схему описания институциональной базы буддийской повседневности.

Монашество рассматривается Позднеевым согласно канонической структуре статусов, начиная от послушника. В описание жизни монахов включены также такие существенные аспекты, как обучение, распорядок дня, система управления монастырем, монастырские профессии.

Визуально-символический аспект повседневной жизни рассматривается Позднеевым на материале

описания сакрального пространства — территории монастыря и расположения зданий на ней, архитектурных особенностей и интерьера храмов. Закономерно, что особое внимание Позднеев уделил описанию алтарной части храма, символике подношений. Отметим, что интерьерное решение внутреннего пространства буддийского храмового здания, предназначенного для регулярного проведения служб, устойчиво, и выявленные Позднеевым элементы вполне могут быть использованы в современных полевых исследованиях как единицы наблюдения. В описание интерьера буддийского храма Позднеев, что существенно, включает классификации конкретных его составляющих. Так, классифицированы изображения божеств буддийского пантеона (гневные/мирные формы) и даны их отличительные признаки, технико-технологические особенности изготовления пластики (литье/ковка), материалы (бронза, медь, золото, серебро, дерево, глина, папье-маше). Фактически Позднеев попытался наметить схему описания предметов буддийского религиозного искусства [Позднеев, 1887. С. 47—49].

Темпоральный аспект повседневности зафиксирован Позднеевым в подробном описании ритуалов буддийского и хозяйственного календаря. Не ставя задачи аналитической реконструкции ритуалов, он подробно зафиксировал их предметный, акциональный, вербальный и мотивационный аспекты, способом организации материала избрав последовательность действий в рамках обрядового комплекса.

Наряду с календарным типом ритуалов исследователь рассмотрел обряды жизненного цикла и ритуалы, проводимые в специальных случаях по заказу верующих (болезнь, гадание о благоприятных днях для важных дел, освящение жилища, имущества, скота). Отражены и ритуалы, сложившиеся в рамках центральноазиатской региональной формы буддизма и специфичные именно для нее, — это буддийские службы на *овоо* (изначально — ‘сакральные локусы шаманистов’) и ритуалы, проводимые в целях защиты стад от болезней и падежа (последнее было особенно актуально для Монголии — традиционно скотоводческой страны).

В описании буддийской повседневной жизни в аспекте ритуала Позднеев подробно восстановил сценарии таких масштабных действий, как *цам* (пантомимическое представление в рамках культа божеств-защитников), круговращение Майдари (санскр. Майтреи) — ритуал почитания в Монголии и Бурятии Будды будущего, праздник в честь Цзонхавы — одного из наиболее чтимых деятелей тибетского буддизма.

При том что сценарии буддийских ритуалов зафиксированы в специальных текстах-наставлениях, особую ценность наблюдениям Позднеева придает именно то, что по ним можно восстановить, в какой мере в практике организации обрядовой жизни реализовались наставления и какие региональные осо-

бенности влияли на используемый сценарий ритуала [Позднеев, 1887. С. 47—49].

Таким образом, А. М. Позднеев фактически представил буддийскую повседневность в виде системной целостности, в которой аналитически устанавливается институциональный (монастыри), социальный (статусы внутри сообщества), визуально-пространственный (сакральные территории), темпоральный (календарь служб) и практически-религиозный (структура ритуала) аспекты. Можно сказать, что эта схема оптимально подходила для решения задач полевого наблюдения живой буддийской традиции.

После приобретения экспедиционного опыта под началом Потанина и публикации обобщающего труда по монгольскому буддизму А. М. Позднеев вошел в круг исследователей Центральной Азии — путешественников. Поэтому вполне закономерно, что именно кандидатура Позднеева была выдвинута Министерством иностранных дел для исполнения поездки в Монголию в 1892—1893 гг. с целью обследования перспектив дипломатических и торговых контактов России с «Застенным Китаем». По возвращении А. М. Позднеев выступил в Географическом обществе с обзорным докладом. Результаты путешествия были оценены весьма высоко: «Самым обильным по своим научным результатам для этнографической отрасли географии, а также для изучения современного экономического и бытового состояния Монголии было путешествие по ней действительного члена Общества А. М. Позднеева, снаряженного в экспедицию туда Министерством иностранных дел» [Семенов, 1896. С. 1193]. Итоги своего второго путешествия ученый обобщил в двухтомнике «Монголия и монголы», также опубликованном РГО [Позднеев, 1896; 1898].

Несомненный интерес представляет реконструкция методов исследования, применявшихся А. М. Позднеевым. Объект исследования задавался задачами экспедиции, как правило, сформулированными достаточно обобщенно, если не размыто. Дефицит информации о Монголии, в особенности об административном устройстве и принципах управления, о культуре повседневности, о роли буддизма препятствовал решению задач выстраивания политического диалога и развития торгово-экономических связей. Надежная подготовка исследователя как монголоведа, свободно владеющего письменным и разговорным языком, была здесь решающим фактором успеха. «Чтобы уяснить себе, например, положение о натуральных повинностях монголов, я просил показать мне ведомость об отбывании их — поясняет Позднеев свой подход. — Совершенно так же вел я и исследования ламаизма» [Позднеев, 1896. С. XXVI]. При помощи компетентных информантов-монахов он анализировал письменные источники, проливающие свет на содержание буддийской доктрины. «Таким же порядком производились исследования и относительно обрядового учения. Отправляешься в кумирню и слушаешь устные объяснения на каждый пред-

мет ее утвари, требуя подтверждений письменными свидетельствами отцов ламайского вероучения» [Позднеев, 1896. С. XXVI].

Наряду с экспедиционной деятельностью Позднеев продолжал служить в Санкт-Петербургском университете. Его опыт полевых изысканий пригодился неординарным образом: он инициировал весьма оригинальный способ проникновения российских путешественников в Тибет — под видом буддистов-паломников, выходцев из российских этносов, исторически исповедовавших буддизм. Речь идет о подготовке исторического по значению путешествия Г. Ц. Цыбикова в Тибет, реализованного всецело в рамках РГО.

Гомбожаб Цэбекович Цыбиков (1873—1930) вошел в историю отечественной буддологии благодаря своему путешествию в Тибет, предпринятому в то время, когда европейцы могли только мечтать об успешном посещении Лхасы. Въезд иностранцев в Тибет запрещался цинским правительством Китая и лхасскими властями, исключение делалось только для буддистов-уроженцев азиатских стран.

Цыбиков — бурят, выходец из Забайкалья. В 1895 г. он поступил на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета на стипендию П. А. Бадмаева, довольно влиятельного царедворца, желавшего в лице Цыбикова приобрести сторонника в азиатском департаменте Министерства иностранных дел [Цыбиков, 1991. Т. 2. С. 216]. Однако впоследствии из-за отказа Цыбикова принять православие поддержка Бадмаева прекратилась, и средства на обучение собирали сородичи Цыбикова [Цыбиков, 1991. Т. 1. С. 11].

В университете Цыбиков обучался, в частности, у Позднеева. Именно ему принадлежала идея послать Цыбикова в Тибет под видом буддиста-паломника. Эта мысль зародилась у ученого после ознакомления с рукописью паломника-бурята, которую принес ему Цыбиков. Известную роль в этом вопросе сыграла, возможно, и публикация Позднеевым перевода рукописи калмыцкого паломника База-Бакши «Сказание о хождении в Тибетскую страну» [Цыбиков, 1991. Т. 2. С. 218]. Тексты путевых заметок буддистов-паломников, по-видимому, помогли Позднееву операционализировать фиктивный контекст путешествия его ученика. Так был задан основной метод, применявшийся Цыбиковым, — включенное наблюдение.

Позднеев рекомендовал Цыбикова Русскому географическому обществу, на ответственного секретаря которого, А. В. Григорьева, возложили общее руководство подготовкой всей экспедиции. Отметим, что по результатам путешествия 1899—1902 гг. Географическое общество присудило Цыбикову премию им. Н. М. Пржевальского и наградило его специальной золотой медалью «За блестящие результаты путешествия в Лхасу».

По возвращении путешественник представил Географическому обществу обширный доклад «О

Центральном Тибете», в котором, в частности, описал сложности, возникшие вследствие необходимости вести наблюдения с позиции «буддиста-паломника»: «Почтенное собрание, без сомнения, вправе ожидать от нас большего, чем могли дать простые паломники, а между тем как трудно дать значительные сведения тому, кто проник в запретную страну под видом такого паломника и в сношениях с местными жителями должен был представлять простого же паломника, ищущего в священной стране душе-спасительного, ежеминутно опасаясь, чтобы чем-нибудь не выделиться из среды своих товарищей-монголов и не дать повода даже малейшему подозрению в нем человека, причастного к европейцам!» [Цыбиков, 1991. Т. 2. С. 10].

Цыбиков специально готовился к этому труднейшему предприятию. До поездки в Тибет он приобрел опыт полевой работы в Забайкалье, участвуя в деятельности специальной комиссии, изучавшей землепользование в крае. Кроме того, Цыбиков изучал язык, обычаи, социальный строй и экономику Тибета по доступным ему источникам. Таким образом, позиция исследователя, внутренне дистанцированного от группы, в рамках которой осуществлялось включенное наблюдение, обуславливалась его образованностью и опытом предшествующей работы, жизнью в инокультурной среде и стремлением реализовать именно научные цели. Совмещение фиктивного контекста («буддист-паломник») и решения исследовательских задач верно подметил С. Ф. Ольденбург в редакционном предисловии к первому изданию книги Цыбикова «Буддист-паломник у святынь Тибета»: «Из буддистов, посетивших Лхасу и главные святыни Тибета, никто не был так хорошо, как Цыбиков, подготовлен и никто из буддистов не оставил нам столь полного и внимательного описания этих святынь; из не-буддистов же никто не мог иметь к ним той же свободы доступа» [Цыбиков, 1991. Т. 1. С. 30].

Таким образом, введение метода включенного наблюдения в арсенал буддологии как отрасли научного религиоведения обуславливалось конкретными историко-культурными обстоятельствами, исключавшими иные способы решения исследовательских задач.

В докладе Географическому обществу Цыбиков суммировал главные направления, по которым он вел наблюдения, и представил обобщенную информацию по географии, климату, этнографии, формам хозяйственной жизни, управлению и религии Тибета. Также путешественник изложил ряд конкретных сведений по внешней торговле Тибета и сделал вывод о том, что «Россия едва ли может рассчитывать на Тибет как на выгодный рынок сбыта своих товаров, но иметь сношения с Тибетом для нее важно в том отношении, что это центр ламаизма, к которому прикованы помыслы современных монголов, из коих около полумиллиона под названием бурят и калмыков находится в русском подданстве» [Цыбиков, 1991. Т. 2. С. 25].

Цыбиков вел подробный дневник путешествия по Тибету, на основе этого дневника построена книга «Буддист-паломник у святынь Тибета», впервые опубликованная в 1919 г. Содержащее множество объективных сведений о Тибете, это сочинение представляет нам размышления автора, касающиеся в том числе и его роли «буддиста-паломника», т. е. рефлексии путешественника на фиктивный контекст его деятельности, который единственно мог обеспечить успех всего предприятия. Практически во всех главах книги можно обнаружить суждения Цыбикова, свидетельствующие о его пристальном внимании к поддержанию непрерывности фиктивного контекста. «Пускаясь в путешествие как простой бурят-паломник, я должен был особенно считаться с предубеждениями местного населения» [Цыбиков, 1991. Т. 1. С. 32]. Путешественник лишь тайком мог пользоваться фотоаппаратом, термометром, записной книжкой. Пребывая среди духовенства и верующих, путешественник совершает приличествующие его роли религиозные обряды, «следуя <...> обычаю средне-состоятельных богомольцев, каковым я был известен среди духовенства» [Цыбиков, 1991. Т. 1. С. 42]. Примечательна запись Цыбикова в дневнике по отъезде из Лхасы. Он пишет, что жизнь Лхасы «старался узнать для того, чтобы сообщить пославшим меня» [Цыбиков, 1991. Т. 1. С. 199]. Таким образом, отмечается некоторая «функциональность» в подходе Цыбикова к своему путешествию, заведомая целевая установка, не связанная с паломничеством как личной религиозной практикой.

На описание Цыбиковым повседневной жизни буддийских монастырей Тибета во многом повлияло, как мы предполагаем, сочинение его наставника Позднеева «Очерки быта буддийских монастырей...». Во всяком случае структурные единицы обоих описаний совпадают: управление монастырем, иконография и главные святыни монастыря, содержательный аспект обучения монахов, буддийские ритуально-обрядовые комплексы. Так же как и Позднеев, Цыбиков включал в запись своих наблюдений фрагменты буддийских сочинений, дополняющие и объясняющие увиденное.

Задачи путешествия Цыбикова не исчерпывались изучением собственно буддизма, но касались многих других аспектов центральноазиатской культуры. Буддизму в книге уделено преобладающее внимание в силу его исключительной роли в определении всех сторон тибетской жизни.

В результате тибетского путешествия Цыбикову удалось не только собрать разнообразные уникальные сведения, сделать фотографии Лхасы и ее окрестностей, но и приобрести коллекцию ксилографов для Географического общества, позже переданную в Азиатский музей, ныне — Институт восточных рукописей РАН.

Анализ замысла, подготовки и результатов путешествия Г. Ц. Цыбикова позволяет выявить некий нормативный тип российского путешественника в Тибет: это должен быть человек из ламаитского ре-

гиона, из носителей буддизма либо происходящий из буддийской среды, но при этом — европейски подготовленный востоковед-буддолог. Наиболее подходящим кандидатом для этого вида исследований буддизма на рубеже веков мог, следовательно, оказаться бурят или калмык, способный к гуманитарным наукам и прошедший специальное обучение в области языков и духовной культуры Центральной Азии.

Необходимо подчеркнуть, что именно успех миссии Цыбикова сделался важным стимулом для целенаправленной подготовки к следующему российскому путешествию в Тибет Б. Б. Барадийна. Приведем некоторые ключевые факты его биографии, важные для целостного понимания вклада этого серьезного исследователя в эмпирическое полевое изучение буддийской традиции.

Бадзар Барадиевич Барадийн (1878—1937) родился в Забайкалье в семье бурята-скотовода. Очень рано Барадийн оказался в Петербурге и обучался (1896—1898) в частной бурятской гимназии П. А. Бадмаева. Потом юноша возвратился на родину, а в 1900 г. в качестве переводчика при некоем бурятском купце путешествовал вместе с ним по Европе и посетил Германию, Швейцарию и Италию. По возвращении Барадийн поступил вольнослушателем в Санкт-Петербургский университет на факультет восточных языков, где изучал санскрит, тибетский и монгольский языки [Автобиография, 1992. С. 116].

В 1903 г. образовался Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении (далее: Русский комитет). Будучи научным по целям деятельности, Комитет организационно подчинялся царскому МИДу, а в его состав наряду с представителями научных ведомств входили представители важнейших министерств — Иностранных дел, Военного, Финансов, Внутренних дел и Народного просвещения. Именно это новое учреждение использовало опыт Русского географического общества в исследовании Центральной Азии. Члены Комитета акад. С. Ф. Ольденбург и Ф. И. Щербатской внесли предложение об использовании бурят для изучения Тибета. Поскольку в это время Барадийн обучался у Ольденбурга и Щербатского, то именно на него и было решено возложить следующую научную миссию в Тибет.

Русский комитет принял четырехлетний план подготовки Барадийна, согласно которому Ольденбург и Щербатской должны были три года преподавать ему санскрит, буддийскую философию, историю, а на четвертом году предполагалась поездка в монастыри Лавран и Гумбум и затем — в Центральный Тибет и Лхасу.

Уже в 1903 г. Русский комитет командировал Барадийна в Забайкалье для изучения буддийской иконографии и жизни дацанов — монастырей-университетов. Эта предварительная работа, продолжавшаяся и в 1904, и в 1905 гг., способствовала лучшему ознакомлению с практикой монастырской жизни и способами ее организации в Бурятии.

Благодаря своему авторитету среди буддийских иерархов, Щербатской получил приглашение Далай-ламы XIII сопровождать его в Тибет из Монголии, куда глава центральноазиатских буддистов бежал во время английской интервенции. По прибытии в Ургу (Улан-Батор) Щербатской рекомендовал Русскому комитету прислать Барадийна, с тем чтобы он отправился в Лхасу в свите Далай-ламы. Барадийну удалось присоединиться к окружению Далай-ламы, но возвращение иерарха на родину затягивалось, и Русский комитет решает направить исследователя в Лавран. Непосредственные впечатления, наблюдения и конкретные разнообразные сведения о жизни монахов в монастыре Лавран были изложены Барадийном в очерке «Путешествие в Лавран» [Барадийн, 1908]. Публикации очерка в Известиях РГО предшествовали два доклада Барадийна в Географическом обществе: в Годовом общем собрании (30 января 1908 г.) и в Отделении этнографии (15 февраля 1908 г.)². Таким образом, Географическое общество поддерживало распространение сведений о результатах экспедиционных обследований, даже если экспедиция инициировалась другими учреждениями и организациями.

В очерке и, соответственно, в презентационных докладах РГО Барадийн изложил широкий круг сведений — о своих беседах с Далай-ламой XIII в Урге, о национальном характере тибетцев, об их отношении к европейцам. В отличие от Г. Цыбикова, посетившего главные монастыри Тибета и Лхасу, Барадийн дал углубленное и многоаспектное описание повседневной жизни и организации крупного монастыря Лаврана, в котором находился около 8 месяцев. Таким образом, он объективно располагал возможностью углубленного обследования. Характерно, что выявленные Барадийном аспекты монастырской повседневности практически совпадают со схемой описания, ранее созданной А. М. Позднеевым.

Таким образом, на основе вышеизложенного можно сформулировать вывод о значительной роли Русского географического общества как формы институционализации полевых исследований буддизма в 1870—1910-х гг. Будучи научным обществом с добровольным индивидуальным членством, РГО располагало значительным административным и финансовым ресурсом для снаряжения актуальных экспедиций, имело информационный ресурс (развитая тематически разнообразная научная периодика), систему поощрения результативных путешественников-исследователей (премии и медали), т. е. выполняло функцию их социального признания.

Необходимо также отметить исключительную роль РГО в пополнении коллекций академических и иных музеев. Так, коллекции рукописей и ксилографов, привезенных Г. Цыбиковым, а потом — Б. Барадийном, дополнили Тибетский фонд Азиатского музея.

² Путевые дневники Б. Барадийна увидели свет много позже — в 1999 г. См.: [Барадийн, 1999].

Литература

- Автобиография, 1992: Автобиография Барадийна Б. Б. // *Orient*. Вып. 1. СПб., 1992.
- Барадийн, 1908: *Барадийн Б. Б.* Путешествие в Лавран // Изв. Русского геогр. о-ва. Т. XLIX, вып. 4. СПб., 1908.
- Барадийн, 1999: *Барадийн Б.* Жизнь в тангутском монастыре Лавран. Дневник буддийского паломника 1906—1907 гг. Улан-Удэ; Улан-Батор, 1999.
- Задваев, 2006: *Задваев Б. С.* Западная Монголия в трудах российских исследователей и путешественников XVIII—начала XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.
- Крачковский, 1944: *Крачковский И. Ю.* Иван Павлович Минаев. Его жизнь и работа в Географическом обществе // Изв. Весоюз. геогр. о-ва. 1944. Т. LXXVI, вып. 6.
- Позднеев, 1887: *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу // Зап. Русского геогр. о-ва по отд-нию этнографии. Т. XVI. СПб., 1887.
- Позднеев, 1896: *Позднеев А. М.* Монголия и монголы: результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892—1893 гг. А. М. Позднеевым. Т. 1: Дневник и маршрут 1892 г. СПб.: ИРГО, 1896.
- Позднеев, 1898: *Позднеев А. М.* Монголия и монголы: результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892—1893 гг. А. М. Позднеевым. Т. 2: Дневник и маршрут 1893 г. СПб.: ИРГО, 1898.
- Семенов, 1896: *Семенов П. П.* История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества 1845—1895. Ч. I—II. СПб., 1896.
- Устав РГО, 1898: Устав Императорского Русского географического общества. СПб., 1898.
- Цыбиков, 1991: *Цыбиков Г. Ц.* Избранные труды: в 2 т. 2-е изд., перераб. / Отв. ред. Р. Е. Пубаев. Новосибирск: Наука, 1991.

T. V. Ermakova

The Role of the Russian Geographic Society in Investigation of Buddhist Ethnic Culture of Central Asia

An article deals with scientific and organizational context of expeditions to Mongolia and Tibet which were initiated or supported by the Russian Geographic Society (RGS). It was explained that at the margin of XIX—XX c. RGS was very active in the process of expeditional explorations of territories along Russian Asiatic borders in looking forward to future trade and diplomatic relations. At the base of works by A. M. Pozdneev, G. Tsybicov, B. Baradiin forming of methods of field research of Tibetan and Mongolian everyday life was explicated and personal contribution of above mentioned travellers into Buddhist monasteries exploration was evaluated. Exceptional role of RGS publishing was demonstrated, especially current publishing of expeditional results.

Key words: Russian Geographic Society (RGS), Central Asia expeditions, Buddhist culture, A. M. Pozdneev, G. Tsybicov, B. Baradiin.